

18+

МАРИЯ БЛАЖНОВА

Батыр поневоле

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Мария Блажнова

Батыр поневоле. Приключения

«Издательские решения»

Блажнова М.

Батыр поневоле. Приключения / М. Блажнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518371-2

Эта история украшена восточным узором. В ней летают ковры-самолёты, идут через пески караваны, встречая на пути разбойников, дивных пери и сказочных птиц. Главный герой, славный Алпамыш, выручает из плена наречённую невесту, помогает спасти любовь, проходит с боевым отрядом императора через горы и пустыни, чтобы защитить слабых и наказать жестоких.

ISBN 978-5-00-518371-2

© Блажнова М.
© Издательские решения

Содержание

Батыр поневоле	6
ГЛАВА 2. НАРЕЧЁННАЯ НЕВЕСТА	11
ГЛАВА 3. ГЛАМУРНЫЙ ШАМАН	23
ГЛАВА 4. КАРАВАНЩИКИ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Батыр поневоле Приключения

Мария Блажнова

© Мария Блажнова, 2020

ISBN 978-5-0051-8371-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Батыр поневоле

ГЛАВА 1. КОВАРНЫЙ РАРИТЕТ

Мне снился наглый толстый кот. Чёрный как ночь. Он сидел возле мышинной норы и шептал с присвистом: «Мышь, эй, мыыышь, выходи!» Минуту спустя, даже сквозь сон, я понял, что кто-то шепчет на самом деле. Причём шепчет что-то странное, что-то вроде: «Алпамышь, выходи...» Я попытался открыть глаза: что за чепуха, какой-то такой мыш-Алпамыш? Это всё Андрюха Батон виноват.....«Пойдём, Костян.... меня дежурным в музее оставили... я вино в кладовке нашёл, раритетное!»

Подвел меня этот раритет.... Кто знал, что после пары рюмок двое здоровенных мужиков будут носиться по музею с кремнёвыми топориками, мерять шлемы и кольчуги и пытаться зажарить чучело мамонта. Последнее, что я помнил, это как заваливаюсь спать в экспонате под названием «Юрта кочевника».

Глаза мне все-таки открыть удалось, но не целиком – две узкие щели. Мама-дорогая, ну и лицо у меня сейчас. Надеюсь, я не проспал в юрте все выходные, и не напугаю посетителей физиономией кочевника, вылезавшего поутру из родной юрты.

С превеликим трудом глаза удалось раскрыть шире. Батюшки, это что я на себя нацепил? Полосатый халат, шаровары, сапоги.... какая роскошь.... Я откинулся на подушки, потянулся. Сквозь дымоходное отверстие юрты светило солнце....

Я вскочил на четвереньки.

Полог юрты приоткрылся, и высунулась чумазая морда в тюбитейке:

– Ляббай, Алпамыш-батыр, Хаким-бек, доблестный кайсар, поднимайся, Калдыргач-аим зовет!»

– Кто...?!!! Что..?!!! ...Кто ты такой?!!! – вскочил я.

– Кто я? Я ваш преданный махрам Фазыл-кул.

«Мой махрам», – повторил я про себя и закрыл глаза. Тьфу, Андрюха, предупреждать надо, что раритет настолько хорош...

– Алпамыш-бай, вы идёте?!

– Иду, – открыл я глаза и отодвинул полог «****» – мысленная нецензурная лексика.

Вокруг стояли другие юрты: просто серые и цветные с узорным шитьем. Около юрт сновал народ: тетки с мелкими-мелкими косичками на головах, все в шапочках, в шароварах, в халатах, мужики с чалмой на голове. Из юрт курился дымок, неподалеку загон с конями, овцами и верблюдами...

Я посмотрел на своего махрама, почтительно склонившего передо мной голову. Сейчас он поднимет глаза и поймет, что я никакой не Алпамыш-бай... но Фазыл-кул преданно посмотрел мне в глаза, снова наклонился и сказал почтительно:

– Сестрица ваша, Хаким-бек, уже собрала для вас сбрую, шлем, щит и оружие.

– Что?! – вытаращил я глаза на бедного махрама.

– Как что? – удивился он. – Мы ведь собрались выручать вашу невесту, Барчин-ай! Видимо, посчитав, что я теперь всё понял, Фазыл-кул шустренько двинул вперед.

Я, путаясь в полах халата, поспешил за ним.

– Хаким-джан, тулпар наш быстрокрылый, – прервал мои мысли Фазыл, – быстрее, сестра ждёт!

Я честно попытался засеменить ещё быстрее. Мы подошли к нарядной, ярко-бордовой юрте, возле которой нас ждала смуглая девушка с тучей длинных косиц на голове.

– Хаким-джан!... – заголосила девица, вталкивая меня внутрь юрты, – не подведи нареченную невесту свою, не посрами нашего рода, выручи розу из вражеского плена, пожелтела Барчин-ай как лепестки шафрана, иссохла от тоски по тебе, прислала она с десятью гонцами записку с просьбой о помощи. Передали гонцы записку нашему отцу, только коварный Байбури не захотел рисковать тобой и спрятал записку в ларец. Вчера в отцовской юрте я нашла записку, поспеши батыр спасти свою честь!

Меня затошнило. «Господи, в чем я провинился перед тобой?! Я никого не обижал, писал статьи, посещал выставки, даже ходил в театры!!!» – такие горестные думы меня одолевали, пока на меня надевали шелковую рубаху, боевой чапан, перевязывали кушаком и нахлобучивали на голову булатный шишак.

Потом мне в придачу принесли щит из кожи носорога, пику и меч в кожаных ножнах. Сестрица, чье имя мне в жизни не выговорить, оглядела меня с удовлетворением: «Теперь осталось добыть коня!»

В юрту заглянул Фазыл и ахнул, увидев меня в полном облачении:

– Алпамыш-батыр, вы стройны как самаркандский минарет! А лук-то, лук дедовский наследственный забыли... Хаким-бай, вы ведь ещё семилетним ребенком всех нас удивили, подняли бронзовый лук весом в целых 14 батманов!

Фазыл восхищенно зацокал языком.

– Чтoб у тебя язык отсох, – подумал я. Может, богатырь и поднял лук, но я с трудом держу меч и пику...

– Поберегу лук, – как можно серьезнее сказал я, – мало ли что в дороге случится.

Фазыл спорить не осмелился.

– Идите, Хаким-джан, теперь к табунщику, – проворковала сестра, подталкивая меня к выходу, – пусть Култай поможет выбрать коня.

Ёошкин-кот, – я чуть не заплакал, – только верховой езды мне не хватало, я ни разу даже не сидел на лошади.

Радостный Фазыл поволок меня к табунщику. Я семенил за ним, погромыхивая мечом и пикой, поправляя съезжавший на глаза шишак, и пытался смотреть на все как можно более оптимистично.

Мы зашли за юрты, туда, где пасся конский табун. К нам подбежал сухонький старичок Култай.

– Дай коня Хаким-беку, живо, – прикрикнул Фазыл.

– А папенька разрешил уважаемому Хаким-беку выезжать из дому? – Хитро прищурился старикан. Я тоже взглянул на Фазыла, тот аж надулся от возмущения:

– Да как ты смеешь, раб, перечить самому Алпамыш-батыру, нашему грозному льву, который в ярости перерубает верблюда пополам!!!

Я смущенно закашлялся. Табунщик задумался.

– Курхайт!!! – Вдруг изо всех сил крикнул он, и на клич со всей степи начали сбегаться кони и становиться перед нами в ряд.

– Выбирай любого, – кивнул он мне на коней.

Я глянул на лошадок. Горюшко моё. Это разве лошади? Это слоны... Глаза красные, из ноздрей дым валит, копытами землю роют.

Я медленно, как в магазине, шел вдоль ряда коняшек, их рассматривая. Рядом шел Култай и недоуменно хмурился.

– Хаким-бай, – наконец, сказал он, – разве мои кони плохи? Разве не быстрокрылы они словно тулпары, не стройны? Разве не похожи гривы их на шелк?

– Похожи, похожи, – утешил я старика, продолжая двигаться вперед, к моей радости кони становились все мельче и неказистее... Конец ряда заканчивался совсем уж малорослым рябым коньком, доходившем мне едва до плеч. Конёк понуро смотрел в землю, видно, совсем не ожидая, что знаменитый батыр его выберет.

– Вот этого хочу, – ткнул я пальцем в животину.

Култай только было открыл рот, как на него налетел Фазыл со своим неизменным:

– Как смеешь ты перечить хозяину, подлый раб, шакал без роду и племени. Алпамыш-бай сказал, что хочет этого коня, значит Алпамыш-бек знает, что он делает, может, конь этот волшебный, не дано тебе твоим худым разумом постичь великих помыслов нашего доблестного кайсара.

– Хорошо, ехидно улыбнулся Култай, – пускай Хаким-джан берет чубарого жеребчика, но у слуги конь должен быть не больше, чем у хозяина, поэтому тебе я дам ишака.

После этого вредный дед снова свистнул, коняшки разбежались и остались только мой жеребчик и длинноухий ишак для Фазыла.

– Коня зовут Байчибар, – сказал нам на прощание табунщик и удалился.

Фазыл, поминая шайтана, взгромоздился на ишака и, оттопырив нижнюю губу, иногда прицокивая языком, смотрел, как я пытаюсь взобраться на Байчибара.

Я подходил к нему то с одного бока, то с другого, перекладывая меч с пикой из руки в руку, хватал коня за стремя и подскакивал. Наверняка, мой преданный махрам думал, что я таким образом колдую и сейчас полудохлый конёк превратится в богатырскую лошадь. Но конёк не превращался, даже наоборот, устал стоять и прилёг на землю. Я моментально воспользовался моментом, вспрыгнул ему на спину, обхватил за шею, после чего кольнул бедное животное пикой в круп.

Конек взвился на дыбы и резво поскакал вперед. Фазыл догнал нас на ишаке, и мы поехали бок-о-бок по степи.

– Долго ли нам ехать, Фазыл? – Спросил я у махрама.

– Шесть месяцев, Алпамыш-батыр, – бодро ответил тот, – дорога наша лежит до степи Чилбир-чоль через горные кручи, страшные ущелья, еле-еле заметные тропки и сыпучие пески.

– Ясно, – устало кивнул я, перспектива вдохновляла. Я напомнил себе о том, что надо во всём находить плюсы. Итак, у меня теперь навалом времени, чтобы узнать, кто такой Алпамыш, и зачем он едет в такую даль.

Вспомнив любимую комедию «Джентльмены удачи», я осторожно завел разговор со слугой.

– Послушай, Фазыл, я тут на днях с верблюда свалился и головой ударился, теперь тут помню, а тут совсем не помню, поведай-ка мне, друг любезный, мою биографию. Ну, вернее, кто я таков, родные, близкие, пароли-явки.

Фазыл тотчас же достал из мешка за спиной какую-то балалайку, и с готовностью затянул под неторопливый перебор струн: «Глава конгратского племени бий Дабан-бий, у него сын Алпин-бий, у Алпин-бия два сына, старшего звали Байбури, младшего – Байсары...»

«Короче, Авраам родил Исаака», – подумал я и представил, как мы полгода неторопливо едем на своих клячах по широкой степи под нудное перечисление ста колен предков Алпамыша.

– Стоп! Я вспомнил всю родню, молодец, Фазыл, талант, отдам тебя по приезду в самодеятельность. Спой теперь про меня.

– Хаким-бек в семь лет поднял наследственный лук весом в 14 батманов, – тем же тоном, позвякивая балалайкой, продолжил Фазыл, – стрелой могучий батыр сбил верхушку Аскарских гор и получил за это имя Алпамыш-батыр... он знаменит и богат, у него сто тысяч верблюдов, двести тысяч овец и девяносто табунов лошадей... Хаким-бек непобедим, у него взгляд как у сокола, а булат в его руке тверже чем алмаз. Фазыл замолчал, чтобы отдышаться.

– В целом, ясно, – остановил я махрама, – информация исчерпывающая, ты забыл, правда, упомянуть, что я верблюда пополам разрубая.

– Я не забыл! – взвился на своем ишаке Фазыл, – я не успел!

– Ладно, прощаю, – успокоил его я, – сегодня пополам разрубать не стану. Лучше напомни, куда мы едем?

Вдохновленный Фазыл опять забряцал и начал растекаться мыслью по древу:

– Ещё при рождении сговорили Хаким-беку невесту, дочь его дяди, несравненную Барчин-ай. Гуль-Барчин словно юная сайга, зубы у ней – жемчуга, лик подобен луне, полумесяцем серьги, стан стройней кипариса... Расцвела она словно роза в своем кишлаке, но прознала про нее старуха Сурхайль, послала за девицей семь своих сыновей-батыров и похитили они нашу пери, увезли в чужие степи...

– Что, говоришь, хороша, невеста, – замечтался я.

– О да! – Привстал на стременах Фазыл, – плечи у неё пятнадцать четвертей каждое. Насилу одолели её похитители. Схватила она старшего батыра одной рукой за ворот, другой за кушак, опрокинула навзничь на землю, колено на грудь поставила, у батыра кровь изо рта хлынула, задавила ай-Барчин богатыря.

– Охреть, – помрачнел я, – а может богатыри хилые были?

– У ведьмы старухи семь сыновей, каждый носит девяностобатманный железный панцирь, вместо кушака повязывает поводья четырнадцати коней и в день съедает девяносто баранов – продекламировал Фазыл, вонзая нож в моё сердце.

– Батыров тех зовут, – продолжал зараза Фазыл, – Караджан, Кокальдаш, Кошкулак, Кокаман, Байкашка, Тойкашка и младший Коккашка.

– Коккашка?!?!... – я так и загнулся от хохота...

– Коккашка, – невозмутимо повторил махрам, – что значит «звездочка голубого цвета на лбу у лошади».

– Ещё раз охреть, – подумал я.

– Эй, дружище Фазыл, стемнело уже, и кушать охота, – обратился я к Фазылу спустя часа четыре. – Может, отель какой неподалёку есть?

– Никакой Адели нет, – горестно покачал головой слуга, – есть старый мазар.

– Кто? – переспросил я.

– Мазар старый, курган на кладбище, – пояснил Фазыл, там и переночуем.

– Чудненко, – кисло улыбнулся я, – интерьер винтажный и компания подходящая.

Вскоре мы подъехали к старому заброшенному кладбищу. Спрашивать Фазыла откуда кладбище посередине голой степи не хотелось, в ответ я бы услышал очередную заунывную легенду.

Посередине кладбища одиноко торчал мазар: нечто, похожее на каменный склеп. Я подъехал поближе, кое-как слез с коняги, просунул голову в дверной проем:

– Эй, хозяин, есть кто дома? Местечко найдётся?

– Для тебя места нет, – ответил мне скрипучий голос из глубины, есть только место для твоего коня.

– Нет, так дело не пойдёт, а мне что на улице торчать! – Я обошел мазар кругом и заглянул с другой стороны:

– Место есть?

– Здесь есть место для вас и коня с ишаком, – с готовностью ответили мне.

«Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом», – подумал я, и подтолкнул незадачливого жеребчика вперед. Потом зашел сам и кликнул Фазыла, с интересом наблюдавшего за мной на безопасном расстоянии. Я лично ничуть не боялся, потому что, признаться, слабо верил в происходящее... И, вообще, удивить меня, после всего увиденного за день, было очень сложно...

Никаких зомби в мазаре не оказалось, я с наслаждением стянул с головы булатный шишак и прислонил к стене пику. Подоспевший Фазыл расстелил для меня на полу некое подобие спартанского ложа, но мне так хотелось спать, что я заснул сразу же, как только лег, лелея тайную надежду, что проснусь у себя дома.

И приснился мне замечательный сон...

Моя нареченная невеста Барчин-ай протягивала мне чашу вина, обворожительно улыбаясь:

– Алпамыш-джаным, мой яр, знаю, круглый год ты опьянён страстью, так утоли свою жажду, девушки-служанки ушли, мы в юрте одни, склони голову ко мне а грудь...

На обольстительной гурии была одна кружевная шаль на голое тело, она прижалась ко мне и прошептала, чтобы я не робел.

Меня кинуло в жар, я отпил глоток сладкого ярко-красного вина, осторожно приобнял Барчин за талию, и почти коснулся чувственных полуоткрытых губ, как вдруг полог юрты откинулся, и показалась фыркающая лошадиная морда Байчибара. Я вздрогнул и проснулся...

Мазар освещали лучи утреннего солнца, мой слуга дрых на лошадиной попоне. Приключение продолжалось...

ГЛАВА 2. НАРЕЧЁННАЯ НЕВЕСТА

Всё тело ныло и болело после вчерашней верховой езды, неохота было не то что вставать, даже шевелиться. Но неугомонный Фазыл уже суетился. Увязывал поклажу, поил коня и своего ишака. Я подошел к Байчибару: «Эх, ты, коняшко... жуёшь овёс, сказал бы лучше, как нам быстрее доехать, иначе хозяин останется без мягкого места...»

– Иногда лучше не дойти, чем зайти слишком далеко, – глубокомысленно произнёс конь, посмотрев мне прямо в глаза.

– Ты чего это, скотина, раньше не признался, что говоришь?! – возмутился я, после того, как Фазыл привёл меня в чувство.

– А я по жизни вредный, – заметил конь.

– Вай, вай! – всплеснул руками Фазыл, – я ведь говорил, что конь волшебный!!!

– Ну ладно, смягчился я, – раз уж ты говорить умеешь, да к тому же так складно, посоветуй, как нам до недругов добраться?

– Ноу проблем, – подмигнул мне жеребец, – сиддаум плиз.

Я кое-как взгромоздился на своего скакуна. В ту же секунду он распустил два огромных белых крыла и взвился в воздух.

– Рады приветствовать вас на борту нашего авиалайнера, – мелодичным голоском сообщил мне Байчибар, а я с ужасом смотрел на крохотного Фазыла, который кругами носился вокруг ишака и пинками пытался заставить его взлететь.

– А как же Фазыл?! – ошарашено спросил я.

– Дружба, которая закончилась, – и не начиналась, – философски изрек Байчибар.

– Меня лично, Константин, гораздо больше волнует, как вас угораздило попасть в такой переплёт?

– Так ты..то есть вы..знаете кто я?! – воскликнул я.

– Ну конечно, – невозмутимо подтвердил конь, – конечно, я знаю, кто ты. Я ведь волшебный конь. Племянник Конька-горбунка. Между прочим, с энциклопедическими познаниями. Так что тебе несказанно повезло. Учítывая, что в тебе нет ничего особенного. Ты Костя Савушкин, 25 лет, работаешь журналистом в захудалой газетёнке, вредных привычек и судимостей не имеешь, блестящих способностей и талантов тоже. Вот мне и интересно, как ты здесь оказался?

– Где здесь? – переспросил я, – в прошлом?

– Дурак ты, Константин. Если бы ты оказался в прошлом, тебя бы с твоей рожей давно бы четверговали, как шайтана. Нет, милый! Можно сказать, что ты попал... ну считай, что в старинную легенду древних кочевников. Только для того, чтобы здесь оказаться, нужно два условия: во-первых, вещь из настоящего прошлого, во-вторых, принятое внутрь зелье из мифического прошлого.

– Юрта и вино...удрученно сказал я, так оно всё и было... значит, если бы я заснул в индейской пироге, то проснулся бы Чингачгуком Большим змеем? Эх, Андрюха, кто бы мог подумать, что ты способен на такую подлость..

– Андрюха тут не причем, – заметил Байчибар, – такое под силу только местному колдуну, и притом весьма могущественному. Но обдумать всё придётся потом, сейчас я иду на посадку.

С этими словами Байчибар плавно спланировал на холм, по склонам которого паслись черные овцы, прыснувшие при виде крылатого коня во все стороны.

К нам подошли удивлённые чабаны:

– Гай, батыр, что за конь чудесный играет под тобой на сто ладов? – спросил один из них, – да и ты, видно не из наших краев, джигит?

«Если бы ты только знал как прав», – подумал я.

– Да, сам я не местный... э, вы тут девчонку случайно не видели, такую полненькую, с родинкой над губой, Барчин-ай её звать?

– Пс, – раздалось у меня за спиной, – так ты ничего не узнаешь, повторяй за мной: Я бек-батыр Алпамыш, грозный пахлаван, мой гнев, как северный буран, орёл могучий, я был глава народу своему и золотой джигой я украшал чалму.

Я старательно повторил, прибавив от себя, что взглядом высушиваю океан и смешиваю с прахом кровь врагов...

– Масштабно, – одобрительно хмыкнул Байчибар, – для репутации важен размах, а не итог. Теперь в том же духе расспроси у них про гуль-Барчин, только прямо про неё не спрашивай, говори иносказаниями.

– Э... замялся я, – и ещё у меня есть один вопрос..., – конь весьма чувствительно кусил меня за зад..

– Иии змею ужалит смертная тоска! – вдохновенно взвыл я, – сокол я, что ищет утицу свою, где верблюдица, что страсть мою зажгла, я самец, ищу верблюдицу свою, разъярен желанием, грозно я реву, о луку седла я головою бьюсь, никого на свете не боюсь. Если встречу я вражину на пути, лучше враг ко мне не подходи, легким камушком швырну под облака, будет порознь ног, жопь и голова!

Пастухи испуганно зашептались:

– Есть упущенная тобою утица, – потупившись, признался, наконец, один из них. Девяносто коршунов её сторожат день и ночь. Не одолеть таких коршунов даже такому грозному батыру, зря ты приехал сюда, найдешь ты вместо верблюдицы свою погибель.

– Как ни высока гора, не отступай: пойдешь, перейдешь, – вспомнил я к слову какую-то древнюю поговорку.

– Ну что ж, – развели руками чабаны, – будь тогда сегодня нашим гостем, грейся возле нашего костра, откушай нашей шурпы.

Чабаны заботливо постелили мне свою одежду, бережно распрягли и пустили пастись Байчибара. Под открытым звездным небом, у огня, под мелодичные песни шаиров удивительно хорошо лежалось. Есть всё-таки в моём положении и приятные моменты подумал я и меня тотчас же одолел крепкий сон. И опять мне приснилась юрта прекрасной Барчин-ай.

– Возлюбленный мой джигит, – нежно шептала девушка, – из таких далёких краёв ты приехал, чтобы освободить меня! Ты самой судьбой преподнесён мне в дар, мой хан! Не томи меня, сломи свою робость, подойди и обними меня покрепче!

Глаза Гуль-Барчин манили своей глубиной, от её лукавой улыбки я готов был расцвести словно майская роза..

– Ты сводишь меня с ума, Барчин-ай, – ответил я, подойдя ближе, обнимая девушку и проводя ладонью по её распущенным, черным как смола волнистым волосам. Я пьянею без вина, я сгораю, как тонкая свеча, когда смотрю в твои тёмные волшебные глаза, я смотрю на тебя так, как будто вижу впервые. Я приду к тебе, выручу тебя из плена...

Сладко потянувшись, я поспешил открыть глаза, – уж не вернулся ли я домой? – возвращаться мне вроде пока и не хотелось... Нет, эта знакомая лошадиная морда явно не из Питера..Байчибар расселся на лужайке, держа в одном копыте блокнотик, а в другом авторучку и старательно что-то туда записывал.

– Я ещё и крестиком вышивать умею, – фыркнул он, заметив мой вопросительный взгляд. – Итак, пока вы спали и видели сладкие сны, я успел побывать на разведке в стане нашего врага, а именно в пещерах, где обитают девяносто батыров. Все они состоят на службе у калмыцкого Тайча-хана и все хотят взять в жены пленную. Но Барчин-ай не лыком шита: объявлено о начале грандиозного состязания. В программе: а) скачки б) стрельба из лука в теньгу за тысячу шагов в) борьба со всеми батырами на майдане. Победитель получает девицу. Конь убрал блокнот.

– Скачки назначены на сегодня, на восемь утра, судя по моему хронометру, без пяти минут восемь, чистите зубы и поскакали!

– Наши скачки называются «байга», – поучал меня по дороге Байчибар, – проводиться они будут на Бабахан-горе, ехать до неё около девяти дней, так что приготовьтесь к дальней дороге. Я приуныл. Хотя Чибар и достал для меня где-то штаны с кожаной попой, но натирало седло все равно нещадно, поэтому выглядел я на коне явно не как джигит.

– На скачках будет присутствовать сам шах! – с явным удовольствием продолжал Байчибар, – а всего в забеге примут участие 499 коней. Я пятисотый!

Мы подъехали к степи Чилбир-Чоль. Её заполнял народ: старики и детвора, бедняки, и знатные толстые беки в дорогой расшитой одежде, – степь напоминала галдящий базар. С единственным отличием: очень уж тут много было всадников. Особо отличались семеро батыров-братьев, похитивших мою невесту. По меткому выражению Байчибара, голова каждого размером с юрту, а туловище с небольшой холм.

При виде нас богатыри тут же соскочили с коней, сложили руки на груди и поклонились. Не слез с коня и не поклонился только самый огромный из них.

– Алпамыш, – пробасил он, – глядя куда-то вбок, – сохрани свою жизнь, поверни с пути. Я с тобой не шутики шутить собрался, я тебе башку откручу и в карман положу.

Я сглотнул. Громкие слова про то, как я смешиваю с прахом кровь своих врагов, застряли у меня в горле.

– Сладко пить из чаши популярности? – ехидно прошептал мне Байчибар.

– Что ты как на базаре себя расхваливаешь, – неожиданно громко для себя сказал я, – ты ведь пахлаван, а не баклажан. Друзья богатыря громко заржали. – Выйдем на майдан, я сам тебе все лишнее пооткручиваю, – продолжил я, вдохновлённый успехом.

Превратить немедленно меня в лепешку огромному батыру помешал самый молодой из братьев, который встал перед конем своего брата и промолвил:

– Кокальдаш-батыр, мы все приняли условия, Барчин-ай, никто не возражал. Будь господином своего слова. Если верх в состязании одержит Алпамыш, значит Ай-Барчин будет ему женой.

Кокальдаш на это ничего не ответил, все батыры сели на коней, и мы устремились к месту сбора участников соревнования. Ехать до Бабахан-горы мы были должны все вместе.

– Ты слишком нетерпелив для батыра, – читал мне мораль Байчибар, – мало в тебе смирения, – он весело заржал. Однако сколько здесь скакунов!

Действительно, пятьсот всадников, все на отличных лошадях, это смотрелось внушительно. Мы с Байчибаром хотели незаметно затесаться в толпу, но у нас ничего не вышло. Какой-то батыр на мощном красавце коне остановился перед нами и показал пальцем на моего коняшку:

– Гляньте, братцы, да это же Алпамыш! И на этой вот скотине ты надеешься нас обогнать? Вокруг раздался громкий хохот и нас с Байчибаром обступили. Со всех сторон неслись выкрики:

– Как это умудрился ты, Алпамыш, доехать сюда на этой негодной кляче!

- Да это же совсем нестоящая животи́на, она и при ходьбе то раскачивается!
- Это же не конь, его давно ждёт живодёр!

Морда Байчибара тут же вытянулась до земли, а бешено вращавшиеся глаза заметили молнии.

– Терпение и смирение, – напомнил я ему и погладил по холке. Чибар только плотнее сжал зубы.

Раздался чей-то громкий свист, вокруг захлопали плетки и всадники тронулись в путь.

Байчибар не торопился в передние ряды, а ехал ровно посерединке, однако, ничуть не сбавляя темпа. Мы ехали ровной бесконечной степью, круглыми сутками, только иногда делая короткие привалы. Я привык и спать, и есть в седле и перестал обращать внимание на смешки над моим конем. Однако смешки вскоре стали затихать, потому что, хотя Байчибар и не стремился вперед, но и темпа не сбавлял и скакал с той же скоростью, с какой начал, в то время как многие кони уже выдохлись и отставали. Мой жеребец не знал усталости и, казалось, становился бодрее день ото дня. Другие начали поглядывать на нас с опаской и говорить, что мой конь хитер, и что у людей не может быть таких лошадей. Вскоре мы подъехали к скале Зиль, неприступной круче, преградившей дорогу. Всадники один за другим потянулись в обход, Байчибар пропустил всех и легко, словно птица взлетел на вершину. Мы перешли скалу Зиль, оказались далеко впереди всех, первыми подошли к Бабахан-горе и стали ждать остальных. Ждать пришлось почти целый день, к вечеру вдалеке стали показываться первые противники.

– Да ты, видно, колдун, – воскликнул неприятно удивленный Коккальдаш, когда увидел нас.

– Как ты мог опередить нас на этой паршивой кляче?

– Какой из меня колдун, – махнул я рукой, – дело было так: доскакал я до скалы, смотрю, ваши тулпары остались бодрыми, а мой конь так устал, что ни шагу больше сделать не может. Связал я его за четыре ноги, на плечи себе взвалил и по тропинке вверх как двину, даже и не заметил, как сюда дошел... Все, включая Байчибара, с недоверием уставились на меня, но я как ни в чем не бывало, сидел возле своего костра.

– Если конь твой так плох, – сказал наконец Коккальдаш, давай зарежем его и съедим? Мы голодны, а так хоть досыта наедемся конины!

– Моим конём досыта не наешься, огорченно развел я руками, – посмотри сам, у Байчибара одна кожа да кости, давай лучше зарежем твоего, в нём явно сала больше! Ситуация накалялась и решать её мирным путем наши соперники явно не собирались. Они окружили меня и Байчибара плотным кольцом и бросились на нас всем скопом. Меня они сбили с ног сразу же и связали поводьями, с Байчибаром им пришлось повозиться: конь брыкался, лягался и ржал нечеловеческим голосом. Если я не ошибаюсь, половине он сломал челюсти, а остальным выгрыз колени. Но перевес сил явно был на стороне противника: бедного Чибара опутали арапниками с головы до ног и повалили рядом со мной.

Мы лежали морда к морде и тихо постанывали, Байчибар от обиды, а я от ужаса.

В последнюю ночь перед скачками недруги веселились от души, склон Бабахан-горы осветили костры, горное эхо разносило песни и топот плясок. Потом они наплясались и угомонились. Я бы тоже давно уснул, но Байчибар у меня под боком елозил как ненормальный: он катался по земле, грыз арапники, извивался и крутился, брызгая слюной. Потом он приоровился ползать наподобие гусеницы-переростка и куда-то уполз.

«Плохой из меня батыр, – грустил я, глядя в ночное звездное небо и зевая. Лежу себе, в ус не дую, а верный конь в это время ползает по стану врагов и перегрызает им глотки... Однако... это все таки слишком кровожадно даже для Байчибара...»

– Пс, Константин, можешь пошевелить рукой, – раздалось откуда-то сбоку, и ко мне снова подполз неумолимый коняшко.

– Меня так связали, что я и языком с трудом шевелю... боятся, вражины.

– Что тебя бояться, червякдохлый, – гневно просипел конь, – так и будешь лежать кверху пузом?! Я меч твой достал, бери его в зубы и пили на мне верёвки.

Сказать, что это тяжело пилить веревки мечом в зубах, значит ничего не сказать... я даже и не пытался представить себе, как это все выглядело со стороны. Перепилил я две, ну три веревки, после чего плюнул меч, потому как светало и батыры заворочались, просыпаясь.

– Чтоб ты опух, – матюгнулся конь, и прикрыл своим телом меч.

Коккальдаш лично подошёл пожелать нам доброго утра, завязал перепиленные верёвки, подлюга, и сказал, что после скачек зарежет и съест нас обоих.

Всадники встали в ряд, Коккальдаш приподнялся на стременах, свистнул что есть силы и скачки начались.

Бедный Байчибар: каково ему лежать связанным, когда он легко может обогнать всех коней и показать всем кузькину мать. Я посмотрел на коня: он в очередной раз пытался порвать арапники – весь раздулся и покраснел от натуги.

– Глазки прикрой, – посоветовал ему я, – чтобы не вылезли. Тут же раздался громкий хлопок... я опешил, но выяснилось, что это лопнул один из кожаных арапников...

Видно желание выпендриться у коня было настолько сильно, что за какие-то десять минут он полностью высвободился от пут, моментально перегрыз веревки на мне, схватил меня за шиворот, закинул к себе на спину и поскакал галопом догонять всадников.

Меня болтало на коне, мягко говоря, как былинку на ветру: он нёсся со скоростью японской электрички, забрызгивая окрестности желчной слюной. Естественно, что скоро мы нагнали и перегнали ускакавших противников. Четыреста девяносто три, четыреста девяносто четыре, четыреста девяносто пять... – считал на ходу Байчибар, успевая оборачиваться и показывать остающимся сзади всадникам длиннющий язык.

Осталось четыре коня, подвел итог он! Три коня хана и наш любимый Коккальдаш! Байчибар надал газу... впереди показался гнедой ханский скакун.

– Этот гнедой, – прокричал мне Чибар, – всем хорош, но если прикрикнешь на него, останвится, и с места его не сдвинешь, сейчас я поравняюсь с ним, спрости у наездника насывея.

– Кого?

– Насывея, табаку!

Байчибар ещё поднажал и мы поравнялись со всадником.

– Эй, командир, огоньку не найдётся? – я сделал жест, как будто прикуриваю.

– Дурак, осадил меня Байчибар, – у нас табак жуют.

– Миль пардон, – извинился я, – насыведем не угостишь, братишка?

Тот полез в карман, достал оттуда грязно-бурую плитку и протянул мне. Мы чуть придержали коней и я взял табак. А теперь прикрикни на меня как следует, – шепнул Чибар.

– Гей, волчья сыть, шевели ногами!!! – гаркнул я, и хлестнул своего коня. Байчибар рванул вперед, а ханский скакун застыл как вкопанный. Наездник взвыл, кляня нас за хитрость, но нас уже и след простыл. Байчибар оставался полным сил и задора и даже ещё не запыхался. Вскоре мы нагнали ещё одного ханского скакуна: стройный длинноногий жеребец на удивление резво бежал.

– И этого ханского коня я знаю, – пригляделся Байчибар, – это белокопытный жеребец, копыта у него мягкие, по земле бежит хорошо, а вот по камню не может. Мы догнали соперников и Байчибар начал теснить ханского коня на каменистую поверхность. Спустя несколько часов сумасшедшей гонки, белокопытный скакун начал спотыкаться, а выносливому Чибару всё было нипочём. И этот ханский холеный конь остался позади. Теперь нужно только обогнать Коккальдаша.

Вот и он впереди, на замыленном коне.

– Коня Коккальдаша зовут Кокдонан, – сообщил Чибар.

– А мне какая разница, как его зовут?!!!

– Разница есть, – возразил конь, – это мой троюродный братец, большая вредина, и к тому же он моложе меня, трудно мне будет с ним справиться. Придётся тебе что-нибудь придумать.

– Ладно, лошадка, что-нибудь придумаю, подбирайся ближе.

Байчибар закусил удила и рванул вперед, догнать Кокданана он догнал, но вот перегнать его никак не удавалось.

– Эй, Алпамыш, – крикнул мне Коккальдаш, – сдавайся! Две бараньи головы в одном котле не сваришь! Барчин-ай будет моей!

– Я бы рад уступить, – крикнул я ему в ответ, – но конь словно шайтан с цепи сорвался. Разве я по доброй воле так бы скакал? Коккальдаш оценивающее взглянул на то, как я болтаюсь в седле, и хмыкнул.

– Попробую сейчас его остановить, – продолжал я, привставая в седле и натягивая поводья. Коккальдаш с интересом наблюдал за моими манипуляциями. Я набрал воздуха в грудь и гаркнул что было сил: «Лети стрелой, Байчибар. Покажи хвост этому лошадиному ублюдку!!!»

Конь скакнул вперед, Коккальдаш, зазевавшись, отстал и потерял важное преимущество. Почувствовав себя впереди, Байчибар собрал последние силы и поскакал ещё быстрее. Вот и людские ряды встречающих, все галдят, толкаются, хотят разглядеть, кто же из скакунов придёт первым.

Приветственный рёв толпы оглушил на с Байчибаром, конь, не останавливаясь, пробежал ещё семь кругов вокруг ближайшей юрты и упал, тяжело дыша. К нам подбежал народ, меня усадили на ковер, высоко подняли и внесли в бархатный шатер, где планировался пир. Про смертельно уставшего Байчибара тоже не забыли, его повели некоторое время медленным шагом, чтобы он остыл, вытерли от пыли, расчесали гриву и отвели в отдельную вип-конюшню.

Я от души налегал на плов, зачерпывая его с блюда обоими руками и жадно запихивая в рот. Такое поведение впрочем никого не удивляло, пировавшие со мной в ханском шатре тоже с пловом не церемонились. Был он у них – объеденье, рисинка к рисинке! После девяти дней, во время которых я ел одно сушеное верблюжье мясо, я боялся, что набью пузо так, что оно треснет. Вина тоже хватало. Я поблагодарил гостеприимных хозяев и, чуть пошатываясь, отправился к выделенной мне юрте. Остановился перед ней – ночь чудо как хороша, вообще тёплые южные ночи не сравнить с зябкими питерскими, воздух вокруг как парное молоко и пахнет сушеной травой и овечьим помётом... благодать. Раскурить бы сейчас сигаретку..Я вспомнил про табак, одолженный во время скачек. Надо приобщаться к местным традициям! С такой мыслью я сунул в рот половину плитки...

...Сбежавшиеся на вопли кочевники нашли меня часа через два, лежащего скрюченным в ковчеге за несколько километров от становища. Щёки мои заливали слёзы, во рту всё горело, а распухший язык с трудом шевелился... более ядреной штуки я в своей жизни ещё не пробовал, ощущение такое, будто мне в глотку со всего размаху вбили деревянный кол...

«Чтобы я ещё хоть раз попробовал какой-нибудь местной изюминки..ну уж нет!» – пообещал я себе и отправился в юрту спать.

Однако поспать в ту ночь мне было не суждено, поскольку почти сразу же из-за войлочной стенки юрты раздался нежный девичий шепот:

– Алпамыш-батыр, вы спите?

– Уже нет, – громко сказал я, поспешно запахивая полы халата, заходите.

В юрту вошла крохотная девушка с традиционной копной косичек.

– Меня зовут Суксур, – представилась гостья, я служанка Гуль-Барчин. Моя хозяйка приказала: пусть придёт ко мне юный красавец джигит!

Я заалел как пионерский галстук..

– У моей госпожи, – ворковала Суксум, – речи сладки словно мёд, кудри её благоухают розами, а глаза темнее самой тёмной ночи. Разве вы не знаете нашего старого обычая – молодой жених должен тайно проведать свою милую.

Я, признаться, заробел, если бы Барчин-ай и вправду была моей невестой... а вдруг придет настоящий Алпамыш и вкопает меня за такие дела по шею в землю, по старинному обычаю...

– Суксун, – замялся я, – я бы с радостью, но ведь это будет не честно, я ещё не выиграл состязания.

– Зато вы уже победили в скачках, – возразила девушка, – Ай-Барчин так истосковалась по вам, личико её скоро пожелтеет как листок шафрана, Гуль-Барчин скоро выплачет прекрасные глаза, увянет как розовый куст осенью. Посещать невесту наша старинная традиция, загляните к ней хотя бы на мгновение...

Каюсь. Не устоял! Перед моими глазами сверкали очи Барчин из моего сна...

«Хорошо», – согласился я, и Суксум радостно улыбнулась. Мы вышли из юрты и крадучись пошли по дну сухого оврага.

– А вы и вправду такой робкий? – хихикнула Суксум, – про вас рассказывают совсем другое!

– Что про меня рассказывают? – буркнул я.

– Говорят, будто у вас сорок девушек-прислужниц, которые встречают вас каждый вечер с охоты и выполняют все ваши прихоти.

– Да?! то есть да! – подтвердил я и с ужасом представил сорок девиц, постоянно проживающих в моей однокомнатной квартире...

– Вот юрта Барчин-ай, – показала пальцем служанка на белую бархатную юрту и незаметно куда-то скрылась. Я подошел к юрте с некоторой опаской, вспомнив всё, что мне рассказывал про мою нареченную невесту Фазыл, плечи мол огого, и батыра придушила... Нет, не может Барчин быть такой свирепой, про меня Фазыл тоже постоянно какую-то околесицу нёс. Девушка именно такая, какой я видел её во сне! С этой мыслью я решительно вошёл в юрту. Навстречу шагнула моя невеста... на голову меня выше и в три раза шире..шутка... была она точь в точь как во сне: стройная и тоненькая, с распущенными волнистыми, чёрными как смола волосами и нежным румянцем, а когда она улыбнулось, то всё лицо её стало в сто раз красивее.

– Ты пришёл, Алпамыш, – вскрикнула она и бросилась ко мне на грудь.

Я смущённо попытался отстраниться, но это было совершенно невозможно, девушка уже орошала слезами мой халат.

– Ты наверное голоден, мой батыр? Ты ведь девять дней на байге ничего не ел! – вдруг спохватилась она и бросилась расставлять на ковре всевозможные яства.

– Да я вроде перекусил, – попытался сопротивляться я. – Если только чайку.

Барчин-ай тот час же поднесла мне пиалу с чаем и керамический горшочек с чёрно-бордовым клейким сиропом, от которого нестерпимо пахло розами.

– Откушай милый варенья из лепестков роз, я сама розы собирала, сама медной ступой с мёдом перетирала. Сто дней и сто ночей кувшин стоял на жгучем солнце, сто дней и сто ночей пока ждала тебя я в чужом краю, мой милый.

Я взял кувшинчик с вареньем и попробовал совсем чуть-чуть, помня урок с насывеем. Варенье оказалось не просто вкусным, а настолько вкусным, что желудок будто попал в райский розовый сад. Я попробовал ещё чуточку – вокруг, прямо в юрте начали распускаться розовые кусты, сверху кружась падали лепестки, я съел ещё ложечку – мир погрузился в благоухание роз, перед моими глазами всё плыло и качалось, и лицо Барчин-ай будто светилось

в розовом тумане. Только вот лицо это начало неуловимо меняться: сначала побледнели щёки, потом вытянулся и загнулся крючком нос, волосы поседели и висели клочьями на почти лысом черепе, кожа сморщилась, ногти вытянулись в острые когти, глаза округлились и пожелтели, я с ужасом обнаружил, что на меня надвигается рослая пожилая женщина с отвратительной внешностью, при этом я с трудом могу пошевелиться, потому что в глазах и голове стоит туман.

– Милая, – сдавленно прохрипел я, – что с тобой?

Бабища открыла широченный рот и захохотала, показав желтые кривые зубы.

Клин клином вышибают, – подумал я, и успел, пока баба-яга собиралась кинуться на меня, нашарить в кармане и кинуть в рот оставшийся кусок насывея

– Аааай-йя-йяаааа-йяй – заорал я, туман пропал моментально, я выскочил из юрты как ошпаренный и начал кругами носиться по кочевью.

– Чибар!! Чибар!!! Лошадкааа, где моя лошадка?!!! Бегал и кричал я, пока не наткнулся на своего коня.

– Ой-бой! – воскликнул конь, – Костя, что с тобой? Ты чего это ночью носишься тут голый?

– Голый?! – я в шоке прикрылся руками. Увези меня домой, срочно. Я хочу обратно в Питер – заорал я. С меня хватит экзотики. Меня чуть не изнасиловали.

– Тебя?! – расширились глаза у Байчибара, – Кто?!!!

– Барчин-ай!! Ну то есть та Баба-Яга в которую она превратилась!!

– Баба-яга? – серьёзно переспросил Чибар, – нет, Баба-Яга это из другой сказки. У нас их называют ведьмами. Пойдём, оденешься, а то стоишь тут... как Апполон в греческом зале...

У меня в юрте, пока я одевался, конь рассуждал вслух:

– Изнасиловать тебя, конечно, никто не хотел, конь опять заржал, – тебя хотели просто сожрать...

– Значит моя невеста ведьма?! – меня передёрнуло.

– Да, – печально кивнул головой конь, причём учёная.

– А я думал безграмотная, – съязвил я.

– Много ты понимаешь, – ответил Байчибар, – удивляюсь я на тебя, Константин, ты ведь журналист, должен сказки разные читать, литературу знать. Учёная ведьма не получает свои знания от природы, а приобретает их у духов, взамен за жертвенные дары. Для того чтобы приобрести большую силу нужен очень хороший дар, например, человек из реального мира. Если у Барчин всё получится, она здешнюю округу на клочки разнесёт...

– Ничего у неё не выйдет, – решительно сказал я, теперь мы раскрыли её хитрость, ни в каком состязании больше участвовать не будем.

– Дорогой мой, – вздохнул конь, – мы не можем не принимать участие в состязании, мы уже победили в скачках и теперь обязаны продолжать. За ходом борьбы следит приглашенное строгое жюри из девяти почтенных аксакалов. Они не просто старые мудрые люди, но ещё и весьма неплохие колдуны: в случае неповиновения ты до конца своих дней будешь в качестве их раба мести верблужий помёт... ясно?

– Ясно, – горестно кивнул я головой.

– А уж твоя возлюбленная Барчин-ай все силы приложит для того, чтобы именно ты выиграл, – доконал меня безжалостно Байчибар.

– Ты вечно испортишь настроение, – накинулся я на коня, нет чтобы как в доброй русской сказке: это службишка, не служба, спи спокойно хозяин, утро вечера мудренее, и за ночь всё уладить?

– Ладно, – проворчал конь, – спи спокойно и верь чудесам, а утром хозяин ты справишься сам...

Я махнул рукой и отправился досыпать. Несколько часов я проспал как убитый, никаких снов, хвала небесам, мне не снилось.

Поутру мы с Байчибарам, сопровождаемые толпой местных чумазных мальчуганов, глзевших на чужеземного батыра и его чудо-коня, отправились на состязание лучников.

Конь сделал за ночь единственную вещь: смастерил для меня шапочку Робин Гуда с пёрышком и крохотный лук, похожий на те, которые я мастерил в детстве.

– Нам ведь нужно проиграть, я правильно понял? – весело ржал гад Байчибар.

– Да, но не обязательно при этом делать из меня посмешище, – вскрикнул я, – стрела из этого лука даже на сто шагов не долетит! – но вонючий осёл, маскирующийся под моего коня ничего не ответил...

– Итак, все батыры собрались, – важно произнёс с небольшого постамента старичок с бородищей до земли в неизменном халатике и чалме кустарного производства, – Юлдаш, отнеси теньгу ровно за тысячу шагов и прикрепи её к вот этой расщепленной ветке.

Один из мальчуганов, окружавших нас, бросился выполнять распоряжение. Жюри из девяти старичков, похожих на первого как две капли воды, расселось на широкой скамье. Батыры проверяли луки, натягивали потуже тетиву, приглаживали перья на стрелах. Я покрутил в руках свой лук, сделанный из согнутого прутика...

– Я тетиву, между прочим, пол ночи плёл, половину хвоста себе выщипал, – проворчал Байчибар, – неблагодарный ты всё-таки Константин.

– Спасибо, – как можно более ехидно сказал я, – лук шедеврален!

Первый из лучников занял отведённое для стрелков место, прицелился, натянул тетиву и выстрелил... все приложили ладони козырьком к глазам и проследили за полётом стрелы..недолёт!

Место неудачника занял следующий стрелок, натянул тетиву. Прицелился, выстрелил, недолёт...

Такая же участь ждала и всех оставшихся батыров, стрелы катастрофически недолетали. Иногда, правда, какой-нибудь из батыров, в желании всё-таки попасть в заветную теньгу таак сильно натягивал свою тетиву, что ломал лук под радостный хохот окружающих, которым, честно говоря, уже поднадоело это однообразие. Предпоследним стрелял Коккальдаш, у него был, естественно, здоровенный лук. Он пять минут топтался, вставая в как можно более выгодную позицию, потом напыжился, надулся и начал натягивать тетиву. На этот раз я всей душой болел за него и желал ему славной победы и прекрасной невесты... но мои ожидания не оправдались, бедняга Коккальдаш перестарался, лук хрустнул и распался на две половины... мальчишки залились хохотом и опозоренный злой батыр, швырнув остатки лука на землю, убежал за юрты плакать..

Настала моя очередь..я чувствовал себя полным идиотом, когда в дурацкой шапочке с крохотным луком вышел на позицию... очевидно так же считали и зрители... смех стал громче, народ привставал со своих мест, чтобы лучше меня разглядеть.

Я упрямо оттопырил губу, что ж, вынесем этот позор до конца, мести помёт всю оставшуюся жизнь я тоже не хочу. Последний раз я стрелял из лука... не помню точно... лет, наверное, двадцать назад... я кое-как приставил стрелу, натянул тетиву и стрельнул, чтобы уж наверняка не попасть в цель – вверх.

Стрела резко ушла под облака с неожиданной для неё скоростью.. Из-под облаков раздалось пронзительное обиженное кряканье и оттуда спикировала жирная утка со стрелой в попе, она на бреющем полёте протянула ровно тысячу шагов и рухнула на ветку с теньгой, сбив монетку...

– Хой! Какое мастерство! – зацокали языком аксакалы, покачивая в восхищении головами. Победа бесспорно присуждается Алпамыш-батыру, истинному пахлавану!

– Я с досадой кинул лук и тоже побежал за юрты плакать...

– Не плачь, Константин, – утешал меня добрый конь, – кто ж знал, что ведьма так ловко всё подстроит, но впереди ведь ещё борьба на майдане, там ты точно не победишь ни одного батыра!

– Я приподнял голову и улыбнулся, утерев слёзы.

– Конечно не победишь, – ласково продолжил конь, – тебя размажут как масло по бутерброду... смертоубийство в национальной борьбе приветствуется..

Я снова уронил голову и горячие слёзы закапали на песок.

– Ну не плачь, – я пошутил, – лизнул меня в щёку Байчибар, – твоя красотка невеста не даст тебе погибнуть... если только она не любит отбивные...

– Как мне повезло с помощником! – взъярился я наконец, – чтоб тебя вши заели, Байчибар, прекрати надо мной издеваться!

Конь замолчал, и мы побрели в сторону нашей юрты. Навстречу нам ехал на коне молодой джигит богатырской комплекции. Был он, по-моему, даже больше чем Коккальдаш. Проезжий витязь пригляделся внимательно к нам, спрыгнул с коня и обратился ко мне нараспев:

– Из каких ты мест красавец бек-батыр?

– Я?! – переспросил я и обернулся в поисках другого батыра, но на дороге кроме меня и Байчибара никого не было.

– Из какого ты алмаза сотворен? – продолжал батыр, продолжая меня разглядывать.

Я нахмурился, – это что ещё за педик к нам прицепился?

– Неужели ты рождён от земных людей? – удивлялся богатырь, обходя меня, я же старался на всякий случай не поворачиваться к нему задом и пятился.

– Такого храбреца я вижу в первый раз. Чтоб с крохотным луком он шёл на майдан, – расхваливал меня незнакомый джигит, – где ты родился, где рос?

– В Питере, на Гороховой улице, – буркнул я и попытался прошмыгнуть мимо, но Байчибар с интересом наблюдал за великаном и никуда явно уходить не собирался. Пришлось и мне встать рядом.

– А я простой чабан, – развёл руками батыр, – имя моё Караджан. Ты, наверное, прославленный Алпамыш? Я тебя самого никогда раньше не видел, но вчера мне приснились во сне все твои родственники и долго со мной беседовали, теперь я друг тебе!

Караджан распахнул богатырские объятия и сгрёб меня в охапку, у меня только кости захрустели, когда он разжал руки, я рухнул на землю со стоном.

– Что с тобой, Алпамыш-джан, – обеспокоено спросил батыр.

– Это он в детстве падучей болезнью страдал, подтолкнул меня вверх Байчибар, – иногда приступы случаются.

– У тебя и конь говорящий, истинный тулпар, – снова восхитился Караджан, – ты позволишь мне присоединиться к вам?

– Да, – ответил быстро за меня конь, прежде чем я успел открыть рот, – он даже позволит тебе выступить завтра вместо него на майдане и подтвердить этим свою дружбу!

– Правда?! – радостно-удивлённо воскликнули мы с Караджаном в один голос.

– Правда! – ответил нам обоим конь, шепнув мне, – хорошо колдует твоя милая Барчин-ай, видать предпочитает свежатину...

На следующий день начались приготовления к самому последнему состязанию – к борьбе. Все зрители взялись за руки и расселись на земле вокруг майдана. Девяносто батыров, претендовавших на руку Барчин-ай, уселись в ряд по одну сторону, Караджан по другую. Середину круга оставили свободной – получился просторный майдан для борьбы.

Караджан встал со своего места, разделся и надел специальную одежду для борьбы: матерчатый национальный халат с мягким поясом.

– Эта борьба называется Кураш, – шептал мне Байчибар, – во время борьбы разрешается делать захваты за пояс и подставлять подножки, цель – бросить противника на спину.

– Всего-то? – удивился я, – каким-таким смертоубийством ты меня пугал?

– Сейчас поглядишь, – сказал конь и уставился на майдан.

Первым противником Караджана стал батыр Кошкулак. Несмотря на то, что оба богатыря поражали могучим телосложением, мой друг возвышался над соперником как гора.

– Я подниму тебя и стукну оземь так, что зарою в землю, – взревел Кошкулак и бросился на Караджана. Но тот мгновенно перехватил его за кушак, поднял над головой, потряхнул хорошенько и грохнул на землю с такой силой, что майдан содрогнулся. Батыр, похоже, испустил дух, во всяком случае, его быстренько отволокли в сторону.

Я потрясённо охнул. Если бы не Караджан, то после первого же боя вот так отволокли бы за ноги и меня!

Следующего соперника небеса также не обделили силой: он заревел словно медведь, так, что всех окружающих бросило в дрожь, и кинулся на Караджана. Ну этот точно его победит, со страхом, но и одновременно с тайной надеждой подумал я. Но Караджан обхватил батыра и сжал. Я вспомнил, как мой дружбан может обниматься и не позавидовал несчастному батыру. Караджан маленько потискал калмыка, потом обхватил поперёк и швырнул его через голову на землю, по-моему, он уже напрасно тратил силу, потому что калмык давно был готов. После на майдан вышел громадный пахлаван размеров с пять батыров, перепоясанный, наверное, сотней конских поводьев. Караджан подбежал, пригнувшись, к сопернику, легонько приподнял в два раза большего, чем он соперника, раскрутил и размахнувшись кинул в небо... Я открыл от удивления рот! Пахлаван с гулким шлепком грохнулся рядом с Караджаном и его тоже отволокли к помятым сородичам.

– Что я буду по-одному с вами возиться, – крикнул Караджан, – выходите все!

На майдан выбежали все батыры и начался колбасный цех!! Борцы летели во все стороны, сбивая зрителей, кто-то с вывернутой ногой, кто-то с рукой, у кого выбита челюсть, у кого сломан нос: в стороне от майдана уже нагромоздилась целая куча покалеченных батыров.

Наконец остался один Коккальдаш, он разделся по пояс, надел кушак и встал против Караджана, он был ужасно сердит и злобно рычал. Среди всех батыров он один мог сравниться с моим заместителем. Противники схватились за пояса и начали гнуть друг дружку и шлёпать что есть силы друг друга по бокам. Топтались таким образом они очень долго, но потом Караджан в первый раз за всё состязание разъярился по-настоящему... он вдруг оторвал Коккальдаша от земли и швырнул его в небеса... полчаса мы все, задрвав кверху головы ждали, когда батыр приземлится...

– Он отправился прямиком к праотцам, – наконец, вынес вердикт старший из аксакалов. – В состязании победил Караджан! А это значит, что Ай-Барчин достаётся Алпамышу!

– ООО!!! Взволнованно завопили зрители и повскакивали со своих мест. Старейшина поднял руку и уgomонил сородичей, знаком показав махрамам проводить меня к юрте моей заслуженно добытой невесты. Два дюжих махрама почтительно встали по обе стороны от меня. Я лихорадочно соображал, что же мне теперь делать и как выкрутиться, как вдруг с окраины майдана раздался громовой голос:

– ОЙ БОЙ!

Все дружно повернулись к здоровому деревянному столбу, конец которого венчала вырезанная голова волка с высунутым языком.

– Что ты хочешь сказать нам, волк, отец, – почтительно склонил голову старейшина.

– ОЙ БОЙ! – повторил истукан, – горе вам, родичи, плачьте стар и млад, тяжёлый вам нанесён удар, цвет батырства зачах в этот чёрный день!..

Все согласно взвыли, особенно старались поколоченные батыры.

– Гордая Ай-Барчин смеётся в своей белой юрте, не станет она женой вашего сородича, так пусть не станет и женой Алпамыша! Подождём её юрту!!!

– Еёе, подождём!!! – заревели батыры и первыми, ковыляя, бросились бежать к становищу.

– Сваливаем, Константин, кончай глазеть, – пробрался ко мне Байчибар и стал быстро-быстро подталкивать меня мордой в спину, выбираясь из толпы.

– Ты слышал? – кричал я ему, пытаюсь обернуться, – деревянный волк заговорил!!!

– В русских сказках есть Иван-дурак, – пробормотал конь, хватая меня за шиворот и закидывая на спину, – а ты Костян-дурак... Это я говорил, а не волк!!!

Я даже не обиделся на него за дурака, до чего я был счастлив, только крепче обхватил шею, потому что коняшко набирала разбег.

Но как ни быстро бежал мой конь, ему не удалось оторваться от Караджана, который трусил что есть силы за нами на своей лошадёнке. Так вдвоем мы и доскакали до большого оврага у окраины кочевья.

– Рыба моя, – сказал запыхавшийся Байчибар Караджану, – а ты что за нами увязался?

– Куда Алпамыш, туда и я, – улыбнулся богатырь, – он ведь теперь брат мне!

– Конь только вздохнул и пробормотал себе под нос что-то вроде того, что ещё один дурак на его шею.

Уже темнело, со стороны кочевья раздавались пронзительные женские визги.

Я поёжился, не хотелось, чтобы из-за меня пострадала женщина, пусть даже такая мерзопакостная, как моя обманщица-невеста.

– За жёнушку можешь не волноваться, – как будто прочитал мои мысли Байчибар, – она им не по зубам, думаю, что горе-батырам достанется серьезнее, чем от Караджана.

В подтверждении этому раздался громкий женский хохот, и вдалеке что-то взорвалось. После этого стало на удивление тихо.

– Замечательно, – оглядел я своего названного брата и Байчибара, – и что мы будем делать дальше? Ждать, пока ведьма отыщет наш след, сожрёт меня с потрохами и начнёт устанавливать у вас свои порядки?

– Нет, – поморщился Байчибар, – этого мы, конечно, не допустим.

Караджан, хотя ничего и не понял, но на всякий случай кивнул и достал меч.

– Мы будем искать способ как можно быстрее отправить тебя домой, – добавил Байчибар, – а то надоел ты мне, зануда!

– И с чего мы начнём?

– А начнём мы с того, что посетим одну гламурную пещерку неподалёку отсюда, там живёт мой давний знакомец – шаман...

ГЛАВА 3. ГЛАМУРНЫЙ ШАМАН

К гламурной пещерке, по выражению моего коня, вела аккуратная песчаная дорожка, вымощенная по краям круглыми булыжниками, между которыми цвели заботливо подстриженные кустики роз.

– Здесь живёт шаман?! – удивился я. В моём представлении шаман – это нечто одетое в лохмотья или звериные шкуры, невообразимо лохматое и к тому же явно неадекватное, потому что периодически подвывает, приплясывает и размахивает при этом полу обглоданной костью..

– В общем, это не совсем обычный шаман, – смутился конь, – но он очень талантлив.

«Ооо! Кого я вижу. Байчибар! Мой дорогой!» – навстречу нам из пещеры, которая скорее напоминала декоративный грот, выскочил весьма оригинальный шаман.

Волосы он уложил в щегольские локоны, обрамившие пухлое, слишком белокожее для здешних мест лица. Кожаные брюки в обтяжку и кожаная, отороченная мехом безрукавка дополняли образ. Я сразу понял, почему он живёт на отшибе..

Красавчик ринулся лобызать Байчибара, на меня пахло приторно сладким запахом духов....

Шаман обнимал моего коня, косясь мимоходом на внушительные бицепсы Караджана.. Байчибар медленно заливался краской с головы до хвоста:

– Роберт, оставь свои нежности, – досадливо отмахнулся копытом он, – у нас к тебе дело!

– Ладно, – потупил глазки Роберт, – идёте пить кофе! Он подскочил к Караджану и потащил его за рукав. Мы потянулись следом.

Внутри пещерка выглядела как картинка из французского журнала интерьеров: пуфики, зеркала, ковры, посередине изящный стеклянный столик. Мы расселись вокруг столика, хозяин засуетился, заваривая кофе, и принёс поднос с крохотными чашечками расписного фарфора.

Сам Роберт примостился возле невозмутимого как скала Караджана.

– Как вам повезло мои друзья, – сказал он и осторожно взял чашку двумя пальцами, – вы могли не застать меня дома. Я только вчера вернулся с охоты.

– С охоты?! – с недоверием посмотрел на него я.

Шаман кивнул и погладил свою меховую безрукавку: «Обратите внимание – это мех редкого высокогорного козла..»

Я прыснул со смеху, быстренько уткнувшись в кружку с кофе..

– Браконьеры! – покачал головой Байчибар, – всех козлов на безрукавки переведёте!

– Не ворчи, – Байчибар, – потрепал коня по гриве Роберт, – лучше признавайся, чего тебе от меня надо?

– Мне лично ничего, – процедил сквозь зубы конь, – надо этому субтильному юноше, – он кивнул в мою сторону.

– И что же ему надо, – взглянул на меня с интересом шаман.

– Немного. Всего лишь вернуться в Питер, – просто сказал Байчибар, но у Роберта на глазах отвисла челюсть.

– Молодой человек из реального мира?! – Спросил он у Чибара и пододвинулся ближе ко мне, бросив обтираться о каменный бок Караджана.

– Именно, – подтвердил конь, прихлебнув шумно глоток кофе, и как ты понимаешь, здесь за ним начинается охота, как за редким высокогорным козлом..

Я гневно уставился на Байчибара, но тот только вскинул брови..

– А я чем смогу помочь, – развел руками Роберт, – ты же понимаешь, Байчибар, у меня не тот уровень, отправить его обратно я не смогу!

– Этого я и не требую, – согласился тот, – ты просто подскажи нам, кто может и где его искать?

– Это, пожалуй, я попробую, – сказал шаман, – сейчас допью кофе и попытаюсь сосредоточиться.

Роберт допил кофе, сел на ковёр посередине комнаты в позе лотоса и замолчал, слегка покачиваясь и медленно поднимая и опуская руки.

– Что он делает? – спросил я шёпотом у Чибара.

– Тшш, – сердито зашикал конь, – он входит в контакт с духами.

Лицо шамана принимало все более и более отсутствующее выражение, потом он вдруг громко икнул и опустил руки.

– Всё, – сказал он, вытирая проступивший на лбу пот белым платочком и присаживаясь ко мне. – Узнал что мог. В эфире помехи. Мне удалось ухватиться за самый кончик ниточки: вам следует искать сорок братьев чильтанов.

– Ясно, – сказал Байчибар, – что ж, и на этом спасибо!

– И ещё советую вам поторопиться, – встал Роберт, – я даже не буду приглашать вас отужинать, хотя мне удалось достать восхитительных лобстеров!

– Как-нибудь в другой раз, – тоже встал конь.

– Эх, – с явным неудовольствием поднялся Караджан, – а я бы сейчас откушал и лобстеров, и баранчика одного, другого...

Роберт проводил нас до края дорожки и помахал на прощанье белым платочком.

– А почему ты не спросил, где искать этих сорок братьев, и кто они такие? – сразу же спросил я у Чибара, – ты что, всё знаешь, умник?

– Представь себе, – задрал нос конь. – Кто такие чильтаны, здесь каждый ребёнок знает, правда, Караджан?

– Правда, – пробасил батыр. – Чильтаны это сорок духов братьев, они всё могут.

– Могут они не всё, – сказал Чибар, – по правде говоря, от них больше шума, чем толка, но пока это наша единственная возможность узнать хоть что-то... А найти их можно в уединённых местах, подальше от человеческого жилья, а именно на кладбищах, в мазарах... ты ничего не припоминаешь, друг любезный? Те голоса, которые ты слышал во время первого ночлега как раз и принадлежали братьям-духам! Опять таки, Роберт прав, нам надо торопиться... Как я понимаю, твой конь, Караджан, летать не умеет?

– Нет, – удивлённо уставился на Чибара богатырь.

– Плохо... если я вас двоих на себе потащу, хребет сломаю... Чтобы тебя, дружище Караджан, на воздух поднять, летающий бегемот нужен..Кстати о летающих бегемотах! – конь приостановился, – у меня идея! Есть тут у меня ещё один знакомец!

– Такой же экстравагантный, – усмехнулся я.

– Ещё какой, – присвистнул конь, – быстрее, голубчики, ходу, он как раз к вечеру прилетает на поля кормиться.

Чибар включил пятую передачу, бедная кобыла Караджана болталась где то далеко в хвосте, но не теряла нас из виду.

Таким темпом мы вмиг добрались до хлебных полей.

– Тихо, – сказал конь, – теперь нужно залечь и не шевелиться, хорошо, что ветер сегодня от нас...

– Почему? – прошептал я? За нашей спиной грузно плюхнулась на брюхо кобылка батыра, и Караджан тоже подполз к нам.

– Чтобы он наш запах не учуял, – пояснил Чибар.

– Ты же говорил, что он твой знакомец?!

Объясниться Чибар не успел...

Над нашей головой раздался громкий клёкот и хлопанье крыльев, сравнимое с шумом приземляемого вертолётa, в нескольких стах метрах от нас на поле приземлился... грифон!!! Самый настоящий, с туловищем льва и большими крыльями на спине, только в несколько раз больше чем каменные грифоны в Петербурге.

– Чибар, – это же грифон! – толкнул я коня в бок.

– Кто?! Никакой это не грифон, это же Семург, птица такая наша местная.

– Не знаю, как у вас его называют, но у нас это грифон, – упрямествовал я.

– А чем он здесь кормиться будет? Травой?

– Ага, – язвительно ухмыльнулся конь, и червячками... Он сюда на охоту прилетает!...

– Может я его того, заарканю? – вмешался Караджан.

– И не думай! – зашикал Чибар, – это тебе не здешние батыры, он тебя для начала по всей степи волоком потаскает, а потом получившейся колбасой закусит...

– Чибар, – взвизгнул я, – зачем ты сюда нас привел. Ты что, не мог найти транспорт безопасней?!

– Тише ты, – спокойно ответил конь, – не барахтайся, не надо привлекать лишнего внимания.

Но, видимо, внимание я уже привлёк, потому что грифон насторожился, повернул голову в нашу сторону, одним прыжком оказался возле нас и раззявил пасть...

– Сёмочка, – пролепетал, заикаясь, Байчибар, – сколько лет лет, сколько зим!!!

– Вот только не надо притворяться, будто мы давно знакомы, – проревел грифон и заколотил хвостом по бокам, – мало ли здесь коней шляется, я ещё с каждым здороваться должен!! Лучше я вами отобедаю, у меня как раз обеденный перерыв..

Байчибар открыл было рот, чтобы возразить, но грифон снова его перебил:

– И не надо, пожалуйста, давить на сентиментальность! Не думайте, что я существо интеллектуальное и высокоразвитое. Мной владеют исключительно дикие инстинкты, и все эти ваши штучки я наизусть знаю!!!

– Да ты, в конце-концов, по закону жанра обязан помогать всем, кто тебя просит!!! – заорал Байчибар, храбро поднимаясь на негнущихся ножках.

Грифон как-то сразу сдулся и разочарованно крикнул: «Поесть как следует не дадут, то им невесту похищай, то врагов пугай, то за козлами в горы лети...»

– Нам так далеко лететь не надо, – сразу же взял быка за рога Чибар, нам только до старого мазара этого батыра подкинуть, который покрупнее, а вот того дохляка я и сам доведу.

Грифон критически оглядел нашего крепыша.

– А вы в курсе, – сказал он Караджану, – что по закону жанра я могу обессилить в середине пути и, чтобы не упасть, потребовать кусок вашего бедра?! Я ведь сегодня ещё не обедал!

– Может, мясо барана подойдёт, – попытался робко возразить богатырь.

– Человеческое, конечно, было бы лучше, – огорчился грифон, – но баранина, так уж и быть, сойдёт. Караджан обрадовано полез в котомку.

– Маловат барашек, – облизывая лапы, проворчал Семург и выплюнул косточку, – ну да ладно, путь недалёкий.

Караджан взобрался на спину грифона, я, крайне довольный, что буду лететь на своём коне, вскочил на спину Байчибара

«В пути не считай расстояния, – изрёк очередной афоризм из своего запаса Чибар, – трогаем, Сёма!» Но Семург медлил и пристально вглядывался в горизонт. В самом конце песчаной дороги показалось маленькое облачко пыли, которое быстро приближалось к нам с громким и частым: тыгыдынс, тыгыдынс, тыгыдынс. Пригляделись к облачку и все мы, челюсть Чибара медленно отвисла:

– Фазыл!!!... Догнал таки, шайтан его побери...

Это действительно был бедняга Фазыл.

– Хозяин, хозяин, – вопил он, что есть силы, – я иду, я уже иду!!!

– Батюшки, Фазыл, с тобой всё в порядке? – бросился я к подъехавшему махраму. Фазыл растянул рот до ушей и рухнул оземь. На чернющем от пыли и загара лице блестели только преданно выпученные глаза.

Ишаку, похоже, пришёл каюк...

– Семург, – приказным тоном рявкнул я, – этого берём тоже.

Чибара перекосило. «Хороший попутчик – половина дороги, – презрительно заметил он, – отличная компания подобралась...»

Караджан подхватил под мышки Фазыла и затащил его на Семурга, где принялся заботливо поить из бурдюка. Видимо, поил он его какой-то дрянью, потому что бедняга Фазыл задёргался в его могучих лапах, завертел головой, но потом смирился и подняв глаза к небу допил таки до конца и отрубился окончательно.

– С ним всё будет в порядке, – заверил меня Караджан, заметив обеспокоенный взгляд, – это снадобье моей бабушки, настойка на верблюжьем помёте...

Семург с явным неодобрением принял: «Ну и вонищу вы развели, пассажиры, всё-таки я, пожалуй, потребую у вас в дороге кусок бедра, за вредность...»

– А ты в курсе, – встрял Байчибар, – что по закону жанра в конце пути ты должен будешь этот кусок срыгнуть, чтобы он прирос к его бедру обратно!?

– Слишком вы грамотные, – расстроился Семург, – неприятно с вами иметь дело...

Громадный грифон расправил крылья и взлетел, мы с Чибаром чуть устояли на ногах, такой он поднял ветер. Потом крылья расправил Чибар, попытался также сильно ими захлопать, но убедившись, что эффект явно не тот, быстренько взлетел и поравнялся с Семургом, чтобы задавать курс.

К вечеру мы добрались до нужного места, внизу показался знакомый мазар. Семург и Байчибар приземлились, мы спешили. Грифон буркнул: «Счастливо оставаться», и мгновенно, чтобы мы не успели его опять о чём-нибудь попросить, смылся.

Фазыл негромко стонал во сне на руках у Караджана.

– Эгегей, не робей, заходи в мазар скорей, – подтолкнул меня в спину Чибар. Вспомни, как ты лихо вёл разговоры с чильтанами в первый раз.

– Тогда мне было всё равно, – возразил я, – а сейчас у меня появилась надежда на спасение!

– Что ты боишься, – заржал Чибар, – это же обычные духи, у них и тела-то нет!

– Вот именно, – заметил Караджан, – не видно, куда бить.

– Сейчас вообще ещё рано, – сказал Байчибар, – они ещё не вернулись, чильтаны где-то к полуночи только начинают прилетать из своего путешествия по мирам, так что мы ещё успеем подремать, – с этими словами конь вошёл в мазар.

За ним сразу же вошел и Караджан с Фазылом на руках, мне пришлось идти за ними..

Чибар примостился на куче сухой травы в углу и моментально заснул, Караджан расстелил одеяла, уложил моего, ставшего из черного бледно-зелёным махрама и прилёг сам. Спустя несколько минут в мазаре раздавалось дружное сопение.

Мне, как человеку с детства боявшегося привидений, не спалось, я с ужасом прислушивался, но никаких непривычных звуков не улавливал.

Потом вдруг неожиданно раздалось хихиканье, и кто-то довольно громко сказал из воздуха:

– Вы слышали, братья, эмир Бухары наконец-то приказал сбросить свою сварливую третью жену с минарета!

– Давно пора, – ответил ему мрачный бас, – Ануш ему всю плешь проела, хитрая баба, и жадная к тому же...

– Только ничего у него не вышло, – заметил первый, – она попросила исполнить её последнее желание..

– И он согласился, дурень? – С недоверием спросил третий голос.

– В праве на последнее желание никто не может отказать, – заметил рассказчик.

– И что Ануш?! – с любопытством прокричал звонкий молодой голосок.

– Она попросила надеть все свои наряды, – со смаком продолжил рассказывать чильтан, – вошла на минарет, прыгнула... все её восемьдесят пять юбок и платьев раздулись как парашют, и она целая невредимая спустилась вниз!

– Эмир теперь опозорен на весь свет! – довольно взвизгнул юный голосок.

– Бабские сплетни, – прервал его недовольный бас, – какие ещё новости, братья?

– На Тибете найден переродившийся Джа-яг Ринпоче Лобсан Балдан Шой жий Ванчуг... Новость встретили молчанием...

– В Минском зоопарке крокодил откусил сторожу Фёдору указательный палец...

– Нехрен тыкать, – отреагировал бас.

– Пацаны!!! – раздался запыхавшийся голос, – пацаны!!!! Zenit выиграл кубок УЕФА!!!

– Урааааааааа!!!! – Вскочил я и принялся скакать по мазару, как ненормальный крича: Оле, Оле, Оле, Zenit – чемпион!!!

Когда я опомнился и замолчал, в мазаре стояла тишина, на меня уставились ошарашенные Байчибар, Караджан и Фазыл.

– Мужики!!! – завопил я, что есть мочи, – не уходите!!! Если вы мне не поможете, я больше никогда в жизни не попаду на футбол, я этого не переживу!!! В полном отчаянье я принялся стучать головой об стену...

– Почему люди стучат головой об стену? – раздался мрачный бас, – об угол гораздо эффективнее...

– Да ладно, братаны, – слышался голос футбольного болельщика, – реально жалко пацана.

– Ну ты, доходяга, – обратился ко мне басистый чильтан, – кончай истерику, поломаешь мазар... Всё равно отправить обратно мы тебя не можем.

– погоди брат, дай мне сказать, – перебил его зенитовский фан, – тебе, корешок, нужно в Самарканд, тамошний главный учёный Улумбек может тебя вернуть! Через несколько часов мимо мазара пройдёт караван, он везёт ткани на самаркандский базар, попросите взять вас с собой! Чао, синьоры!

ГЛАВА 4. КАРАВАНЩИКИ

Байчибар громко зевнул: «Следующий пункт маршрута значит Самарканд... Скажи спасибо, что чильтаны простили тебе дикий ор, они вообще редко пускают чужаков на ночлег, и то при условии, что те будут сидеть тише воды ниже травы... дуракам, как говорится, везёт...»

– А как же бедняжка Барчин-ай? – негодуяще вскочил Фазыл.

– Эта бедняжка, – ледяным голосом парировал Чибар, – чуть не поужинала твоим любимым хозяином... Ещё вопросы есть?

– О, горе мне, – взвыл Фазыл, – зажарьте меня заживо, нет мне прощения! Чуть не загубил цвет наших очей, Хаким бека!!! Ударь меня, батыр, кинулся он на Караджана, закопай меня в землю, нарежь меня на кожаные ремни!!! Дай я сам, – он выхватил из-за пояса Караджана кривой меч, размахнулся и неминуемо распорол бы себе брюхо, если бы не молниеносная реакция батыра.

– Нет, он всё-таки больной, – хладнокровно заметил конь, – а я-то подозревал, что он шпион Барчин-ай...

– Фазыл, – строго взглянул я на своего слугу, – мы тебя брали с собой не для того, чтобы полюбоваться на твой труп...я тебя прощаю...

Фазыл приободрился и перестал вырывать меч из лап Караджана.

– Пойдёмте караулить караван, – сказал Байчибар, – только учти, Константин, то биш Алпамыш, переговоры с караван-баши, старшим каравана, будешь вести сам, мы и без того компания подозрительная, – оглядел он Караджана с Фазылом, – лошади говорящей только не хватало...

Мы вышли из мазара. Вид утренней степи ласкал сердце: таких нежных тонов я не видел нигде, хотя во время своей журналистской практики мне пришлось поехать по свету. Белый песок оживляли редкие кусты с ветками сиреневого цвета, по светло-голубому небу расходились в стороны пепельно-серые арки.

– Это степной мираж, – полушепотом сказал Байчибар, заметив, что я люблюсь небом, – он часто бывает в степи от жары. Мы сидели рядом на невысоком холмике возле мазара и молча смотрели на горизонт.

– А где твоя балалайка, Фазыл, – спросил я у махрама.

Он уставился на меня с непониманием.

– Ну, балалайка, – сделал я движение, как будто перебирал струны.

– А! Танбур! – понял меня Фазыл и огорченно развёл руками, – тамбур я потерял... но у меня остался чангавуз! Он достал из кармана крохотное приспособление, зажал один край зубами и дернул пальцем струну, послышался долгий заунывный звук.

– Иэээ, – затянул он монотонно, умудряясь чередовать свою песню со звуками струны, – жила в Байсун-Когратских землях красавица-девушка Улан, губы её подобны сверкающему рубину, брови изогнуты как ветки ивы, стан стройней кипариса, в ушах серьги полумесяцем, она выходит утром из коккамышских вод и садится в золотую лодку...

– А по ночам превращается в ведьму, – ехидно парировал Байчибар, – и пьёт человеческую кровь, хватит с нас одной красавицы невесты.

Фазыл обиженно надулся и спрятал инструмент.

Мы ждали караван почти до вечера, наконец, на горизонте показался первый верблюд, навьюченный тюками, за ним следующий, потом ещё один. Всего около трёх сотен верблюдов, торговцев и погонщиков.

Когда верблюды подошли достаточно близко, я крикнул караванщикам:

– Салам Алейкум, уважаемые, мне бы переговорить со старшим!

С одного из верблюдов прыгнул грузный бородач в бархатной чалме:

– Алейкум Салам, я Кайкубат, караван-паши.

– Пусть счастливой будет дорога твоего каравана, – пожелал я, караванщик вежливо склонил голову, – сами мы из конгратских мест, сопровождаем известного певца и поэта, Фазыла, – показал я на своего махрама. Мои спутники, включая Фазыла, уставились на меня с нескрываемым удивлением, но я продолжал гнуть свою линию.

– Нет равных Фазыл-баю в игре на чангавузе и в сложении песен, прославился он у себя на родине и далеко за её пределами, слышал он, что в Самарканде есть учёный муж, тонкий ценитель поэзии Улумбек, так что держим мы путь в Самарканд. Но приключилась по пути с нами беда, сдохли лошадь с ишаком, остался один конь, да и тот на ладан дышит... Из какой страны ваш караван и в какую путь держите?

– Сами мы родом из Канджигали, – сказал караван-паша, – давно ведём торг с этой стороны, а ходим-бродим по разным городам, сейчас везём выюки с бархатом, холстом и фанзой на самаркандский базар. Странно, но сколько ни живу на свете, не слышал ни разу про поэта-ашуга Фазыла... хотя сам люблю хорошую песню. Присоединяйтесь к нашему каравану, хороший попутчик – половина дороги! А верблюд для вас найдётся, правда, один на двоих...

Караванщики подвели к нам двугорбого верблюда, видимо, потерявшего в пути седока. Караджан посадил Фазыла, забрался сам, я оседлал Байчибара и караван снова тронулся в путь...

Верблюды шли неторопливо, жуя на ходу жвачку, люди выглядели угрюмо и устало, на боку каждого караванщика висел меч, из-за спин виднелись луки. Караван-паши перехватил мой взгляд:

– Учтите, идти с торговым караваном рискованно, мы даже не останавливались сегодня на ночлег. Говорят, в этих местах объявились разбойники. По таким путям скитаясь, счастлив тот, кто вернётся живым и не понесёт утрат... Обрадуй что ли сердце песней, Фазыл-бай!

Фазыл с готовностью достал чангавуз и затянул песню: «Дальней дорогой ехали бек батыр Алпамыш и бай Караджан, но встретили разбойников целый майдан, грозное слово сказал Караджан: вас предупредить я спешу, всех я вас сокрушу, кровью вашей степь орошу, ад я покажу вам сейчас, саваны всем вам припас. Достал алмазный свой меч Алпамыш, яростью два бека зажглись, на врагов они понеслись. Что за славная сеча была! Кони их грызут удила, рубят они бузукам башки, падают с коней как мешки, мертвые один за одним! Мало кто из них убежал, Хаким-бек им опять помешал, сгрудил как овец и рубил, жалости не зная, губил!!!

– Славная песня, – задумался караванщик и поглядел на нас с Караджаном с уважением, – достойная у тебя охрана, Фазыл-бай!

К нам подскакал верблюд одного из караванщиков:

– Впереди колодец!

– Останавливаемся на привал, – махнул рукой караван-паши.

Мы подъехали к неприметной серой глиняной кочке, верблюды остановились, погонщики сняли с них тюки, напоили, набрали воду в бурдюки. Я подошёл к колодцу и заглянул внутрь: глубина впечатляла – дна я не увидел. Стены напоминали плетёную корзину, обмазанную тонким слоем глины. Наверное, так делали, чтобы они не осыпались... Караванщики жадно пили из кожного ведра мутноватую воду, я тоже попросил, но когда отхлебнул, еле удержался, чтобы не выплюнуть: вкус солоноватый и явно отдаёт какой-то тухлятиной. Хорошо, что у нас оставался запас чистой воды. Хотя, когда он кончится, я, видимо, и эту тухлятину буду пить с такой же жадностью...

Караванщики развели костры и стали готовить пищу.

Нас пригласил к своему костру караван-баши, он поставил на огонь металлический ковш и кипятил воду для чая. На скатерти, расстеленной возле костра, поставили угощение: сладо-

сти, мёд, жареные фисташки, орехи и мясо на деревянных блюдах. Караджан подналёг на мясо, мы с Фазылом тоже изрядно проголодались и не отставали.

После сытного ужина мы довольные разлеглись отдыхать, караван-паши, отдав необходимые распоряжения насчёт дозора, тоже прилёг рядом.

- Вы говорили, что любите поэзию, – спросил я у него.
- Да, но мне по душе философские стихи, – ответил он:

Приход наш и уход загадочны, – их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец?
Откуда мы пришли? Куда уйдём отселе?

- Так сказал Царь философии Запада и Востока, Знаток греческой науки.
 - Я думал, это Омар Хайам, – сказал я с удивлением, узнав знакомые строки.
 - Это он и есть, – подтвердил Кайкубат.
- Я процитировал наизусть:

Океан, состоящий из капель. Велик,
Из песчинок слагается материк.
Твой приход и уход не имеют значенья,
Просто муха в окно залетела на миг.

– Как всё это печально, – вздохнул караван-паши, – но есть лекарство от тоски, – с этими словами он достал кувшин, – как сказал великий искатель истины:

Лучше сердце обрадовать чашей вина,
Чем скорбеть и бывлые хвалить времена,
Трезвый ум налагает на душу оковы, —
Опьянев, разрывает оковы она...

...Разрывали оковы мы достаточно долго, не раз пришлось караван-паши ходить за новыми кувшинами, Фазыл играл нам и пел, Караджан показал, как он мастерски фехтует мечом, а потом мы пошли проверять, чей верблюд дальше плюнет... я, помнится, напав на излюбленную тему, долго рассуждал о том, что надо ценить счастье настоящего момента и не думать о будущих неприятностях. Уже глубокой ночью нас всё-таки сморил сон, и мы с Кайкубатом заснули в обнимку прямо во время философской беседы...

Просьпаться было тяжело, я поспешил открыть глаза, а вдруг я уже дома?...Но чудо не свершилось: в поле моего зрения печально жевал жвачку верблюд...

Фазыл и Караджан как ни в чём не бывало, помогали укладывать тюки Кайкубату. Караван-паши участливо взглянул на меня и протянул мне кувшин:

- Нет, нет, я больше не буду вина, – отрицательно затряс я головой, от каждого движения из глубины живота поднималась тошнота.
- Это не вино, – снова протянул кувшин Кайкубат, – это дуг, попробуй.

Я с опаской взял кувшин и принялся, белый напиток источал чуть кисловатый запах. Когда-нибудь, чует моё сердце, меня здесь точно отравят..., но на вкус дуг оказался вполне приятным... ничуть не хуже рассола...

Кругом суетились караванщики, затаптывали костры, пополняли запасы воды, нагружали вьюки. Меня издали приветствовал ржанием Байчибар. Еле-еле залез я на коня и попросил его постараться скакать как можно медленнее, а не трясти меня словно мешок с овсом, как обычно. Чибар смиловился и только заметил, что мне крайне повезло, что он не верблюд, а племенной, чрезвычайно умный и чуткий иноходец с плавным ходом.. – передним приводом и кожаным салоном, – добавил я, но, впрочем, тут же извинился, потому что в это утро был беззащитен как младенец и Чибар мог жестоко отомстить за мои шутки...

Впереди, куда только хватало взгляда, тянулась холмистая унылая местность, голый песок покрытый редкой растительностью. Изредка путь каравану пересекало небольшое стадо степных ослов – онагров, как назвал их Чибар, караван-паши посетовал, что нам надо торопиться на базар. «Эх, в молодости я заслужил титул чемпиона среди охотников на онагров, – похвастался он, – всю родительскую юрту завесил ослиными хвостами!»

Я восхищённо присвистнул из вежливости, хотя такое родительское хобби, честно говоря, не вызвало бы у меня особого восторга.

Вообще, для меня оставалось загадкой, как караван отыскивал дорогу, лично я никаких особых примет не замечал: ну кустик саксаула, ну холмик с чуть рыжеватой землей, тут бархан, там бархан, никакой дороги с разметкой и светофорами, ни тропы, ни даже верблюжьих следов от прошлых караванов. У меня создавалось впечатление, что мы просто бредём наугад. Однако Байчибар уверил меня, что караванщики прекрасно ориентируются, отыскивая свои приметы, кроме того, сказал конь с умным видом, у всех них чутьё, не первый год ходят...

Караван-паши вглядывался в небо со встревоженным видом.

– У вас дурное предчувствие, – обеспокоено спросил я у него.

– У меня жутко дурное предчувствие, – ответил он, – у меня такое предчувствие, что сегодня, в священный день плова, нам его, увы, не отведают...

– Почему не отведают? – удивился я, – у нас есть мясо, и рис найдётся, сегодня же вечером быстренько сварим!

– Быстренько сварим?!?! – воскликнул Кайкубат с негодованием. – Быстренько сварим?!!

А позвольте поинтересоваться, какой именно рис у вас есть?

– Какой, – недоумённо пожал плечами я, – у Караджана есть какой-то рис, пол мешка...

– Какой-то рис, – трагическим голосом сказал Кайкубат, – нет. Меня, Алпамыш джан, не устроит какой-то рис! Мне нужен рис из Ферганской долины, желателен бугдайчурунч, хазан или даже девзира, – караван-паши зачмокал губами, показывая, какая это благодать рис девзира. – В каждом городе, где я бывал, я ел плов по местному рецепту, но только один раз случилось мне отведать плов из этого риса, – сказал он, огорченно вздохнув. – Это произошло при дворе хорезмского эмира... один раз в год, в этот священный день плова, эмир приглашал к себе придворных. Каждый обязался принести с собой плов, особо приготовленный. Но всё равно, самый изысканный готовил эмирский ошпаз. У султана есть специальное золотое блюдо, разделённое на 12 ячеек, для отдельных видов плова. Каждый рецепт ошпаз называл по имени одного из двенадцати месяцев. Весенний плов готовился с дичью и виноградными листьями, летний был очень острым, в него добавляли красного перца и чеснока, зимний и осенний обычно подавали с тыквой, айвой, изюмом и сушёными фруктами...

Я проглотил набежавшую слюну и с отвращением вспомнил ту бурду, которую всю жизнь называл пловом...

– А ещё, – продолжал растравливать мой аппетит Кайкубат, – я бы с удовольствием отведал сейчас булмак с кониной...

Байчибар подо мной ощутимо вздрогнул.

– Да, – продолжил Кайкубат, – в коне я больше всего люблю голову, обскоблишь её как следует, опалишь на открытом огне и варишь в котле...

«Ещё немного и Байчибар выгрызет ему колени», – подумал я, и дипломатично заметил, что в пути любая еда хороша.

– Это верно! – оглушительно крикнул Караджан, и разбудил совсем было задремавшего Фазыла, притиснутого внушительной тушкой батыра к шерстяному горбу верблюда. Нашего прославленного певца, видимо, совсем укачало. И немудрено. Даже меня, при том, что Байчибар старался идти, как можно более плавно, всё равно мутило, что уж говорить о верблюде...

Дорога вообще утомляла однообразием, хорошо её переносили только Караджан с Кайкубатом, все остальные поскучнели и привяли на пятидесятиградусной жаре.

Вдали, у горизонта, я заметил ещё один караван: вереница верблюдов, казалось, шагала прямо по облакам. Никто из моих спутников не обращал на это внимания. Когда я указал на горизонт Байчибару, тот шепнул, что это мираж, и что на такой жаре может привидеться и не такое. «Сейчас разгар лета, – добавил он, – в это время года в переход по пустыне отправляются только больные на всю голову, или очень охочие до богатства...»

Мы проехали мимо полуразрушенного, засыпанного песками колодца.

«Лет десять назад, – сказал Кайкубат, – колодец этот находился в полном порядке, но однажды на караван, остановившийся рядом на ночлег, напали алманщики – степные разбойники – и перерезали сонных купцов как баранов. Трупы кинули в колодец, опасаясь мести одноплеменников. С этих пор вода там стала отравленной, колодец засыпали и теперь никто никогда не останавливается на ночлег возле этого места, потому что здесь поселились злые духи дэвы...»

«Отлично, – подумал я, – значит нам пилить и пилить ещё целую ночь».

С приходом сумерек сильно посвежело, даже Фазыл приободрился и бодро начал тренькать песню, про усталых путников, которые на своём пути встретили зелёный оазис с пальмами, озером, цветами, райскими птицами..и пивным ларьком, – добавил я про себя. Однако моя радость довольно быстро иссякла, потому что я начал мёрзнуть. После дневной жары даже тридцать градусов показались бы холодом. Фазылу-то было хорошо, с одной стороны Караджан, с другой горб, а я болтался на тощей спине своего коня и покрывался инеем..

– Эй ты, – пихнул я Байчибара в живот, – отрастил бы что ли горб... хозяин совсем замёрз.

– Ай-ай-ай, – сочувственно зачмокал конь, – мамочка забыла дать деточке в дорогу тёплую шапочку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.